Алексей Варламов

Алексей Николаевич Варламов (1963) – прозаик, историк литературы, литературный педагог. Окончил филологический факультет Московского университета, доктор филологических наук, профессор МГУ, с октября 2014 года – ректор Литературного института имени А.М. Горького. Как прозаик дебютировал в журнале «Октябрь» – рассказ «Тараканы» (1987, № 12). Лауреат премии «Антибукер», Литературной премии Александра Солженицына, премии «Большая книга», Патриаршей премии, премии «Студенческий Букер» и многих других.

Рассказ «Зимняя рыбалка на озере Воже» входит в «повествование в рассказах» «Падчевары».

Прямая речь: «В детстве у меня в комнате висела громадная карта Советского Союза, и когда лень становилось делать уроки, я часами её разглядывал и по ней странствовал. Тогда я и сочинил свой первый рассказ о том, что увидел позднее наяву и что стало моим счастьем – долгой дорогой и возвращением к дому».

ТРИ РАССКАЗА

Как ловить рыбу удочкой

В отрочестве, когда я только начал проявлять интерес к женскому полу, мне попалось в одном из разукрашенных цветами девичьих песенников под портретом Софии Ротару такое изречение: «В любви как на рыбалке: не клюет – сматывай удочки». Эта мудрость меня рассмешила – на воде выросший, обученный рыбачить дедом, я хорошо знал, что, если не клюет, надо прикармливать место, снасть, менять насадку, ждать, надеяться на случай, на перемену погоды, но только не отступать. Рыболовом я был удачливым и ожидал такого же везения в делах сердечных, однако когда мне случилось впервые полюбить, судьба насмешливо разбила мой апломб.

А дело происходило на даче, в мое последнее школьное лето, и предметом моих мечтаний была спокойная, рассудительная, лениво дремлющая барышня в красном сарафане на тонких тесемках, не скрывавших ее нежные, вечно обожженные солнцем плечи. Звали ее Аней, она была меня на год моложе, но всегда казалась мне взрослее, чем я, и эта ее взрослость только подхлестывала мой интерес, дальше которого, правда, ничего и не шло.

Мы проводили с Аней целые дни напролет, ездили купаться на карьер, ходили в лес за черникой и сыроежками, а по вечерам смотрели комедии шестидесятых годов в железнодорожном вагоне-клубе. После я провожал ее и засиживался на террасе под огромным, с бахромой абажуром, вокруг которого летали ночные бабочки. Аня жила на даче с бабушкой, глуховатой чудесной старушкой, которая ложилась спать в половине одиннадцатого, прослушав по включенному на полную мощность радио последние известия. Уходя, Ксения

Федоровна всякий раз внимательно смотрела на нас, качала головой, но говорить ничего не говорила.

Мы сидели в плетеных креслах на террасе и пили чай с мятой. На террасе было полным-полно ящиков с яблоками, огурцами и помидорами, малина, вишня, банки с вареньем и маринадами. Мы пробовали варенье из разных банок и решали, какое отдать Ане и ее маме, а какое достанется прочим родственникам. Придавая лицу таинственное и задумчивое выражение, мы курили с важным видом наши первые сигареты, с важностью выпуская дым через вытянутые трубочкой губы и поминутно стряхивая пепел. И я был влюблен в эти теплые ночи, в Анину бабушку, в террасу, в бесшумных бабочек, в сигаретный дым, в Аню – мне было так хорошо, что я и сам этого не понимал. Потом светало, становилось зябко, у Ани начинали слипаться глаза – я поднимался, выходил на улицу и опасливо глядел в сизую предрассветную мглу: по ночам на участках бегала сторожевая овчарка Найда. Но идти мне было совсем недалеко: до конца улицы, немного по нижней дороге – и вот я дома.

Я спал до полудня, торопливо завтракал, стараясь не замечать подчеркнутой отстраненности моего интеллигентного деда, осуждавшего меня за безделье, шел к Ане, и так начинался наш новый день с купанием, томлением на песчаном пляже, вечерним фильмом и легкой ночной болтовней. И я думать не думал, что однажды это все куда-то денется.

А кончилось всё по моей же глупости. В середине лета на дачу приехал мой старый приятель Артур. Он был меня тремя годами старше, и я во всем чувствовал его превосходство, во всем, кроме рыбной ловли, которой мы оба были фанатично преданы. Артур считал себя великим теоретиком по этой части, в детстве его настольной книгой была потрепанная довоенная брошюра под названием «Как ловить рыбу удочкой», и из неё мой товарищ черпал поразительные сведения, навроде того, что леску правильно называть лесой, а закидушку донной удочкой, что рябь на поверхности водоема улучшает клев, а удильщик, стоящий в воде босыми ногами, поймает больше, чем сосед, ловящий в сапогах. Исходя из этого, бедняга лез в самую холодную воду, мучил червей, насаживая их, как требовала книжка, радовался захлестывающей поплавок волне, но почти всякий раз я его облавливал, что, впрочем, не мешало ему находить себя более опытным рыболовом и поучать меня, когда и как надо правильно подсекать в противоположную от погружения поплавка сторону.

Правда, не рыбачили мы с ним давно. Он с тех пор, как поступил в институт, на даче не появлялся, а я был до такой степени увлечен Аней, что даже рябь на поверхности нашего карьера не будила во мне никаких чувств. И вот теперь, обрадованный его приездом, я простодушно рассказал другу детства об Ане, которую он помнил толстой капризной девчонкой. Он как-то скривился, проворчал, что лучше бы пошли на зорьке поспиннинговать судачков, у которых нынче самый жор, но я, дурак, был непреклонен, и в тот вечер мы сидели на террасе втроём. Было оживленно, Аня, неуловимо изменившаяся и похорошевшая, прогнала скуку с его лица, Артур рассказывал про университет, тут и там мелькали манящие слова – сессия, коллоквиум,

пара, зачет – мы слушали, раскрыв рот, а он между тем ухитрился съесть почти целиком литровую банку золотистого крыжовенного варенья. Потом он облизнулся, довольно откинулся на спинку стула, похлопал себя по намечающемуся брюшку и, плотоядно поглядев на Аню, предложил ей погадать по линиям на ладони. Аня тотчас же согласилась, и ее маленькая ладошка очутилась в его руке. Он держал ее, поворачивая, поглаживая и разглядывая со всех сторон, и нес какую-то околесицу про бугор Венеры, а я смотрел, не отрываясь, на Аню и подмечал в ее глазах новое выражение.

Со мной Аня держалась всегда ровно, ей было легко, привычно, тут же в ее взгляде появилась доверчивость, её лицо показалось мне совсем детским, и я ощутил необыкновенную нежность к её фигуре, к длинному с капюшоном свитеру, к красным заколкам в волосах, к ее кроссовкам и синим в белую полоску шерстяным носкам, и с этой нежностью я почувствовал боль. Артур вскоре ушел, и нам обоим стало неловко, мы молчали, Аня переменилась, притихла, а я не знал, что сказать. Мне и не хотелось ни о чём говорить, а только сидеть и смотреть на её лицо, еще ничего не умевшее скрывать.

Когда я вышел, было уже совсем светло, и мне вдруг сделалось тревожно и неловко. Я стыдился признаться самому себе, что люблю её, полюбил, увидев это преобразившееся лицо, и был счастлив, как никогда. Мне совсем не хотелось спать, и в каком-то странном возбуждении я принялся ходить по тенистым дачным улицам, названным в честь женщин-революционерок, как вдруг откуда-то сбоку на меня налетела молчаливая сильная овчарка Найда и сбила с ног могучими лапами. Я лежал на сырой траве, слышал, как дышит мохнатая псина, чувствовал её запах и даже не пробовал освободиться – с Найдой такие фокусы не проходили. Вызволил меня через полчаса сторож дядя Лёша. Он долго ворчал, бурчал, что на улице Клары Цеткин давеча покрали доски, а у Ларионовых с Люксембургской обтрясли грушу, и мне почудилось в этом дурное предзнаменование: а что бы было, если бы меня, позорно лежавшего под собакой, увидела Аня?

На следующий день, когда я по обыкновению зашел к своей прелестнице, Ксения Федоровна известила меня, что Аня уехала купаться, и стала угощать яблоками по случаю яблочного Спаса. Но мне было не до яблок, я вскочил на велосипед и помчался к карьеру, объехал его несколько раз кругом по рыхлому песку, но Ани нигде не было. Я не застал ее дома и вечером, тогда я сел напротив ее забора и стал ждать. Я курил до одури, не замечая, что пепел сыплется мне прямо на телогрейку, но вот наконец в темноте мелькнул ее свитер с капюшоном и светлая рубаха Артура. Они вошли в дом, и на террасе загорелась моя лампа под абажуром с длинной бахромой, созывая бабочек к чаю с вареньем. Я решил было встать и непринужденно войти на террасу, но почувствовал, что сделать этого не могу – не могу видеть их рядом, Артура и Аню; я кружил вокруг участка, боялся, что снова налетит на меня из темноты Найда. Часа через два Артур вышел и зашагал вверх по улице, а я, пожелав ему встретить Найду, открыл калитку.

До этой минуты я еще кое-как держал себя в руках и убеждал, что всё это ерунда, случайность, что может быть общего между бородатым студентом и

робкой девочкой, но когда я увидел разочарованное при моем появлении Анино лицо, всё поплыло у меня перед глазами. Я почувствовал, что краснею, чуть ли не плачу, однако Аня ничего не замечала. Я ждал, что она хотя бы предложит мне чаю – Аня же смотрела на меня с досадой. Я упрямо сидел на Артуровом месте, и мне хотелось вернуть по крайней мере наши прежние покойные отношения, но все было напрасно: банки с вареньем неприступно стояли в шкафу, отсвечивая темно-красными, фиолетовыми и желтыми боками и отражая мое вытянутое лицо. Наконец Аня потеряла всякое терпение и раздраженно сказала, что хочет спать.

Это было так хлестко, что, выйдя на улицу, я поклялся сам себе, что не пойду к ней теперь ни за что до тех пор, пока она не придет первая и не позовет меня. Но Аня и не думала меня звать. Прошел один вечер, другой, а Аня прекрасно обходилась без меня, не было дома и Артура, и я, как мне этого не хотелось, должен был сделать печальный вывод, что они гуляют вместе. Предатель, мерзавец, козел вонючий – какими только словами я не крыл своего старшего друга, но не сдавался и все выжидал, когда же станет без меня скучно, так же невыносимо тошно, как мне без нее. Пожалуй, на моем лице аршинными буквами было написано это отчаяние, и даже дед перестал меня корить и только вздыхал, глядя, как я слоняюсь по саду, высматривая каждого прохожего и набивая себе оскомину поздним сортом смородины. А занять себя мне было нечем – у нас на даче даже не было толком книг, только стояли на полке среди садоводческих справочников украшенные Сталинскими премиями издания послевоенных лет – романы Тихона Сёмушкина, Ванды Василевской, Семёна Бабаевского и Петра Вершигоры.

На третий день, прочитав половину «Кавалера Золотой Звезды», где снова было о женщинах и о любви, я себя вконец запрезирал, решил, что пора мне возмужать и научиться жить без женского общества, но Анин голос, ее скользящие с поволокой глаза, маленькие ладони и ножки в шерстяных носках – все это мерещилось мне во сне и наяву, и от этих противоречивых чувств я полез на чердак, достал оттуда спутавшиеся снасти, наладил их и отправился на карьер ловить рыбу донными удочками.

Наш карьер был водоемом необычайно капризным, рыбы там водилось много, и притом самой разной, но она была закормлена и избалована многочисленными рыболовами, и требовалось изрядно поломать голову, чтобы её привадить. Ловили мы чаще всего удочками около затопленных деревьев, где держался мелкий окунь, плотва и карась, но все это было баловство – настоящей рыбалкой на нашем карьере считалась ловля зеркального карпа на закидушки. Карп брал редко, но уж когда это случалось, могучая рыба шла с сопротивлением, делала в воздухе свечки, рвала прочнейшую леску, доводя до исступления самых стойких мужиков.

Я уезжал обычно с вечера на велосипеде, ставил несколько закидушек, разводил костер и пялился на огонь, прислушиваясь, не звенит ли колокольчик. Так я просидел на берегу несколько ночей, меняя места, колдовал над кашей для рыбы, смешивая манку, пшенку и геркулес, замешивая тесто на белке, добавляя туда сахар, постного масла или анисовых капель, лепил из каши

хитрые рогатины, в которых был спрятан десяток крючков с отточенными жалами, но счастья мне не было и здесь. А август в тот год был теплым, и тихие ночи с тут и там вспыхивающими огнями костров немного успокаивали мою душу, и на время мысли об Ане становились сладкими, как прежде. Я забывал об Артуре, и мне казалось, что Аня просто уехала, но очень скоро обязательно вернется на нашу увитую диким виноградом террасу на улице Инессы Арманд.

И вот однажды на рассвете, когда костёр догорел, небо едва забрезжило и над водой потянулся такой плотный туман, что, кажется, руку протяни – не увидишь, я услыхал совсем рядом голоса:

– Тихо как…

– Нравится тебе, малыш?

– Да. И даже спать не хочется. Хорошо, что ты приехал, а то я тут так скучала.

– Да если б не ты, я бы тут трех дней не высидел.

– Правда, Артур?

– Правда, маленький.

Она засмеялась, а потом, видно, подбежала к воде и сказала:

– Тёплая-то какая!

– Давай искупнемся, малыш, – хрипло сказал Артур.

– У меня купальника нет, – ответила Аня упавшим голосом.

– Так кто же ночью в купальнике купается?

– А как?

– А так, маленький… – И я услышал легкое потрескивание синтетической рубашки.

– Вдруг тут кто-нибудь есть?

– Нет, никого нет, не бойся.

– Не надо, Артур, я сама.

Уйти, убежать отсюда! Я лежал на телогрейке, похолодевший, как неделю назад под лапами Найды, растерявшийся от этого неслыханного вероломства, о котором сам и помышлять не смел, и в этот момент дернулся и оглушительно зазвенел колокольчик.

Я подсёк.

Ощущение было такое, что к тому концу лески кто-то привязал валун. Я стал медленно подтягивать леску на себя, по сантиметру, осторожно, как вдруг она ослабла, а потом натянулась, запела, на воде в тумане раздался удар, всплеск, и закидушку стало рвать из моих рук.

– Стой, сучара! – выругался я вполголоса, но, как оказалось, очень громко.

Рыбина снова сделала свечку, и удар был еще сильнее, я боялся, что карп сорвался, однако он сидел и, значит, теперь уже сидел крепко сразу на нескольких крючках. Он слегка затих, ослабел, и я начал подматывать леску на себя. Увы, это была самая скверная моя закидушка, на леске в одном месте был узелок, я чувствовал ее предельное натяжение, – только бы она выдержала! Чуял эту слабину и карп, он мотался, как бешеный пес на привязи, и я был вынужден отдавать ему метр за метром.

– Дай сюда, Серёга!

Я обернулся и увидел в двух шагах от себя Артура, он стоял босыми ногами на песке, и глаза у него горели как у безумного.

– Ппашшел ты!.. – сказал я задушенно, вложив в эти слова всю свою ненависть к растлителю, но он будто и не слышал меня.

– Упустишь ведь! Ты же не знаешь, как его тащить, – застонал он. – Ослабь, ослабь, тебе говорю! Тяни!

– Не упущу, – процедил я сквозь зубы.

– Уйдет, ой, уйдет, сука!

– Не каркай!

Я начал подматывать леску и краем глаза заметил появившуюся из тумана Аню в темной куртке. Она встала у меня за спиной, и я почувствовал себя увереннее.

– Серёга! Сереня, что ты делаешь? – причитал Артур. – Дай же ты ее мне! Ой, бляха муха, ой, упустишь! Леса-то какая у тебя?

Но карп не срывался, он был уже изрядно вымотан, и я вырывал у него метр за метром, хорошо понимая, что бородатому завистнику больше всего сейчас хотелось бы, чтобы карп сорвался, но для меня это было делом чести, и проклятый узелок по-прежнему еще находился в воде. Я подтягивал на себя леску, как вдруг карп снова выпрыгнул, теперь уже совсем близко, и мы успели разглядеть его мощное тело.

– Еееe! – застонал Артур горестно, а Аня за моей спиной вскрикнула.

Но мои руки работали уверенно, точно это был сотый по счету, а не первый в жизни мой карп, вот наконец и узелок – теперь все, теперь все, теперь можно отдохнуть и показать им обоим – как ловить рыбу!

– Закурить дай! – небрежно обратился я к Артуру.

– Ты че? – вылупился он на меня. – Ты его вытащи сначала!

– Сходи, сходи, принеси мне цигарку! Нам с рыбкой перекур надо сделать.

Артур исчез в тумане, охая и вздыхая, а я в это время обернулся к Ане и встретился с ней глазами. Они выражали испуг, нетерпение, интерес и уже по крайней мере не смотрели на меня как на пустое место.

Я закурил от услужливо поднесенной мне спички и, выпуская кольцами дым, присел, стряхнув пепел.

– Серёга! Что ты тянешь?

– Да теперь уже не уйдет, – отозвался я с ленцой и стал снова подтягивать леску, но она не шла. Я потянул сильнее, леска сидела мертво и давала слабину, стоило ее отпустить. Камни… Пока я пижонил, карп запутал леску в подводных камнях, и это конец, и ему, и мне. Я представил, что сейчас выдаст Артур, как я буду выглядеть в Аниных глазах, и не решался во всеуслышанье объявить, что случилось.

– Не идёт? – спросил Артур, и в глазах его вспыхнула надежда.

– Что ты встал тут? Что ты пялишься на меня, как баба? Лезь в воду живо! Ну! – заорал я в спасительной догадке.

– Зачем?

– Идиот! – сказал я с наслаждением. – Будешь леску отцеплять.

Артур плюхнулся в воду, нырнул, нащупал жилку рукой, и через

мгновение она снова натянулась, карп сделал последнюю свечку, а я перед самой физиономией ночного купальщика, поддерживающего рукой трусы, выкинул добычу на берег.

На песке лежал длинный, почти в метр, зеркальный карп, упитанный, склизкий, с темной чешуей и могучим хребтом, с растопыренными жабрами, и вздрагивал, собираясь взмахнуть хвостом. Я живо достал нож и под испуганный Анечкин вскрик всадил его карпу в голову.

– Хорош, хорош, – растерянно бормотал мокрый, покрытый пупырышками студиозус, и на его лице было написано такое же безнадежно горестное выражение, как все эти дни на моем.

Только теперь я почувствовал, что устал. Наш поединок с карпом длился минут двадцать, не меньше, уже совсем рассвело, появилась долгожданная рябь на поверхности водоема, и Артур засуетился вокруг закидушек, ожидая поклевки.

На Аню он просто не глядел, пробовал поминутно леску, спрашивал, что там насажено, и в сомнении качал головой.

– Артур, я хочу домой, – сказала Аня.

Он поглядел на нее все теми же безумными глазами, будто только сейчас увидел, и в отчаянии от ее бестолковости воскликнул:

– Малыш, сейчас, когда уже рассвело, но еще не взошло солнце, будет брать самая крупная рыба.

Так было написано в его любимой книжке, но я-то знал, что мой карп распугал всю рыбу в округе и ничего он не поймает.

– Артур, я хочу спать, – капризно повторила Аня.

Теперь он даже не обернулся, ему почудилось, что колокольчик слегка тронулся, Артур схватил рукою леску и замер, готовый подсечь.

– Артур, скоро проснется бабушка. Мы должны успеть вернуться!

– Давай я тебя провожу, – сказал я Ане.

Она скользнула по моему лицу ленивым взглядом, сощурилась, но я выдержал этот взгляд – лежащий на песке карп придал мне сил.

– Артур, мы уходим! – сказала Аня, топнув ножкой.

– Ага, ага, – закивал он, хлопая на голой спине комаров.

Я засунул карпа в холщовый мешок, и мы пошли домой. Я шел впереди, гордый собой, недоступный, как кавалер Золотой Звезды, попыхивая на ходу папироской и время от времени перекладывая мешок с одного плеча на другое. А Анечка дулась – она дулась на росу, вымочившую ее кроссовки и шерстяные носки, на комаров, на Артура, на карпа, на меня, она ждала, что снова начну лебезить, – но я теперь сам себя не узнавал, этакого плотного мужичка в посконной рубахе с пушком на верхней губе.

Когда мы подошли к дому, играли гимн, на террасе в утреннем чепце восседала Ксения Федоровна и пила кофий.

Увидев нас, она направилась к Ане, сверкая рассерженными глазами, но я выступил вперед, протягивая старушке мешок.

– Ксень Федна, подарочек вот вам, – сказал я, как умел, обаятельно.

– Аня!

– Что Аня? – устало произнесла моя изменница.

– Где ты была?

– Так, Ксень Федна, – снова вмешался я, – вы думаете, легко такое животное вытащить? Вы бы видели, как наша Аня работала!

А карп в утреннем розоватом освещении был превосходен, недаром он прозывался зеркальным, и на его боку отражалось мое самоуверенное, бабушкино суровое и Анино трогательное лицо.

– Ну ладно, – Ксения Федоровна сменила гнев на милость, – если ты была с Серёжей, то я спокойна, – и поворотилась ко мне: – А ты вечером приходи, я его приготовлю.

– Благодарю, – ответил я с достоинством.

В то утро за все это время я спал нормальным сном здорового подростка, и лишь часа в три дня меня разбудил свист Артура. Мой друг выглядел еще страшнее, чем ночью, бледный, осунувшийся, с красными слезящимися глазами, он смотрел на меня растерянно и жалко.

– Старик, дашь мне еще закидушки на одну ночь?

Своих закидушек у него не было: Артур всю жизнь ловил рыбу поплавочными удочками и говорил, что иначе теряется удовольствие от созерцания игры поплавка на поверхности воды.

– Да бери, – пожал я плечами, стараясь никак не выказать своей радости и вспугнуть Артура.

– Спасибо, Серёга, век не забуду, – проговорил он торопливо и исчез.

А я потянулся и пошел досыпать, но сон уже не шел, и я взял дедову электробритву, впервые в жизни прикоснувшись кружочками лезвий к подбородку.

Карп был приготовлен превосходно, ни до, ни после этого дня я не ел ничего подобного. Мы чинно сидели за столом, беседовали на садоводческие темы, о женщинах-революционерках, но вот кончились последние известия, и мы снова остались одни – Аня и я, и больше не мешал нам незваный гость. Но, увы, наших прежних безмятежных ночей было уже не вернуть, и по Аниному беспокойству я чувствовал, что она думает об Артуре, и, даже отсутствующий, он стоял между нами. Мне бы сейчас встать, подойти к ней, обнять: ну что, малыш?

Но какой она мне малыш… Я встал и сказал:

– Ну пока?

– Иди, Серёжа, – и в её голосе прозвучала благодарность.

И мне вдруг стало так за нее обидно, что впору было кинуться на карьер и приволочь оттуда этого дурня. Ну куда там!

Я вышел из дома и побрел, не разбирая дороги, и теперь мне было не больно, как прежде, а как-то тяжело, однако эта тяжесть казалась посильной, точно я сам добровольно ее на себя взвалил.

Я почувствовал раньше, чем увидел или услышал, догадался, что из темноты на меня снова бежит Найда, выдернул из забора кол и шагнул навстречу овчарке.

– Пошла отсюда!

Она тихо зарычала и стала отступать, точно выжидала удобный момент для броска, но я сделал упреждающее движение, и она так же бесшумно исчезла в ночи, как и появилась.

А я дошел до своей калитки, бросил кол и сел на лавку. Закурил. Вот все и кончилось.

Два следующих дня были пасмурными, с несильным юго-западным ветром, благоприятствующим клеву. Но Артур не приходил, и, значит, карпом у него не пахло. Он пропадал на карьере с утра до ночи, облизывал пересохшие губы, тер тыльной стороной ладони глаза и иногда заскакивал домой перекусить. А я помогал деду чинить сарай, и на душе у меня было пустынно и тихо.

Но на третий день открылась калитка, и в сад вошла Аня. Боже мой, что с ней сделалось! Она выглядела хуже своего возлюбленного.

– Серёж, пойдем рыбу ловить.

– Так ведь клева не будет, Аня.

– Бабушка просила еще ей карпа поймать.

– Ну пойдём, – сказал я обреченно.

По счастью, это была последняя ночь того дачного лета, и только однажды мне пришлось увидать искаженное злобой лицо студента, решившего, что я непонятно почему хочу ему отомстить и привел для этого на рыбалку бабу, которая полночи проревела в двадцати шагах от костра и так и не дала ему вытащить карпа.

На рассвете начался дождь, и мы пошли домой. Нашу глинистую дорогу размыло, и так мы и шли, спотыкаясь и падая: впереди налегке яростный Артур, за ним с закидушками шёл я, а позади плелась Анечка и продолжала, не стесняясь, в голос всхлипывать, то ли потому, что хотела обратить на себя внимание, то ли ей уже было все равно. Но мы шли, не оборачиваясь, и, дойдя до улицы Крупской, расстались, чтобы уже никогда не встретиться.

1990

Зимняя рыбалка на озере Воже

Первый раз после долгого перерыва я отправился в Падчевары на новом викторовском джипе. Привыкнув совершать долгий путь в вологодскую деревню на котласском поезде, потом несколько часов дожидаться колхозного или рейсового автобуса, трястись в нем пятьдесят с лишним раздолбанных километров по большаку и идти от остановки по разбитой проселочной дороге с тяжелым рюкзаком еще час до дому, уже жалея, что купил избу так далеко от Москвы и добираться до нее едва ли не сутки, я удивленно и словно во сне взирал, как громадная, легко и быстро идущая по дороге «тойота-лендкрузер» миновала Переславль-Залесский, Ростов, Ярославль и Вологду, и, выехав из дому не слишком ранним мартовским утром, мы даже не к вечеру, как рассчитывали, а в послеобеденное время подъезжали к деревеньке, недалеко за которой начиналась архангельская земля.

На недавно построенную прямую бекетовскую дорогу ложились долгие тени. Медленно опускавшееся солнце играло на тонированных стеклах автомобиля, остались в стороне на всхолмиях среди лесов и полей красивые, занесенные снегом знакомые и незнакомые деревни с громадными северными избами — Гридино, Нефедовская, Огарковская, Анциферовская, Бухара и Огибалово, — в машине было не жарко и не холодно, играла приятная музыка, и в этом беззвучном и устойчивом движении посреди белого пространства было что-то столь же неверное и нереальное, как в комфортабельном перелете через океан, занимавшем, к слову сказать, ровно столько же времени, сколько автомобильный путь от Москвы до Осиевской и Кубинской, двух самых дальних падчеварских деревень, между которыми стояла моя изба.

Как часто я в Падчевары в прежние годы ни ездил, а случалось, бывал я там по четыре-пять раз в году, перемещение из городской квартиры в деревню было делом не только физически хлопотным, но порою и рискованным. Между этими мирами лежала очевидная граница, которую поезд в неведомый мне миг пересекал тряской ночью, так что я ложился спать в одном измерении, а просыпался в другом и никогда не был уверен, что вернусь обратно. Там, где будило меня наутро беспокойство, была всегда иная погода, люди, слова, даже самый воздух был резче, ко всему нужно было подготовиться, себя собрать и переиначить — но, сидя в несущемся со скоростью полтораста километров в час, при том что скорость эта совершенно не чувствовалась, джипе, как мог я уразуметь, на каком отрезке пути — на мосту через Волгу, на границе Ярославской и Вологодской областей, в самой деревянной Вологде или где-то за ней — начинался этот иной мир?

Впрочем, одну очевидную границу мы все же пересекли. Покойный крестьянин Василий Федорович Малахов, которому я был обязан и покупкой избы в Падчеварах, и любовью к этим лесистым глухим местам, сидя на терраске своего дома, покуривая со мною «Астру» и отвечая на вопрос, отчего нет в деревне садов и ни у кого не растут яблони, вишни или сливы, рассудительно заметил, что климат здесь неподходящий, а вот в соседнем Харовском районе плодовые деревья не мерзнут, на две недели раньше вскрываются реки, распускаются деревья и поспевает рожь, причем разница между деревнями столь ощутима, будто кто-то прочертил линию между теплом и холодом. Голубоглазый хромой старик оказался прав: проехав поворот на Харовск, мы с удивлением обнаружили, что после обычной и почти не изменившейся с утра картинки весенней природы с почерневшим набухшим снегом в полях, гомонящими черными птицами и блестевшим от воды асфальтом не плавно и не постепенно, но очень резко, скачком, прибавилось белого снегу по обе стороны дороги, а сама она оказалась покрытой ледяной коркой и погрузилась в безмолвие. Столбик на заоконном термометре автомобиля, даже не заметившего смены дорожного покрытия и так же ровно поглощавшего километр за километром новой дороги, стремительно пополз вниз, по обочинам замелькали вешки, поставленные на тот случай, если путь заметет. Все здесь было иным, весна еще не приступала к зимним застывшим краям, здесь начинался мой Север, где я отсутствовал три года, часть этого

времени путешествуя по неведомым странам, но никогда его не забывая, а, напротив, то и дело вспоминая и рассказывая жителям дальних мест про свою приемную деревенскую родину.

Меня слушали с интересом и недоверием, задавали вопросы, покачивали головой и подозревали в том, что я сочиняю байки. Окруженный благополучием, довольством и сытостью, которые грех было вменять моим трудолюбивым и вежливым слушателям в вину, я и сам не верил, что описываемый мною мир существует, и теперь, раскинувшись на кожаном сиденье просторного восьмицилиндрового автомобиля, не мог понять, радует или тревожит меня возвращение, но одно обстоятельство в этой поездке меня определенно смущало.

Я и на своих-то доставшихся от покойного тестя «Жигулях» в Падчевары не ездил не потому, что «Жигули» были старенькими и еще более отвратительно я их водил, а из чувства неловкости перед деревенскими жителями. А тут джип, известие о котором облетит всю вожегодскую волость и надолго застрянет в народной памяти... И хотя вряд ли в северной деревне могли догадаться, сколько он стоит и кто в Москве на таких машинах ездит, приезд на чужеземном автомобиле в глухие края невольно бросал тень на мою гордую и опрятную бедность, с которой, находясь в дальних странах, я опрометчиво полагал, что навсегда расстался, но очень скоро заработанное и накопленное сгинуло, а я, видно, был повязан с нуждой навсегда и потому совершенно напрасно заставил бы подозревать моих сельских соседей в причастности к праведному богатству хозяина роскошной «тойоты».

Нет, никогда бы я не согласился на эту безумную поездку, отозвавшуюся впоследствии многими неприятными минутами, когда б не безрассудная страсть к рыбной ловле, противиться которой я был не в состоянии, ибо только на джипе мы могли пробраться на озеро Воже — цель нашего нынешнего путешествия.

В Вологодской губернии замечательные озера — Кубенское, Белое, Сиверское, — там водится много рыбы, но все это ничего по сравнению с озером Воже. Даже мой душевный богач, единоличник дед Вася, для которого вся местная природа была безнадежно погублена проклятыми большевиками, уважительно сказывал:

— Лужа большая, за раз не вычерпаешь.

На этой луже мне удалось побывать всего однажды в жизни, когда много лет назад на утлой резиновой лодчонке вместе со смешливой светловолосой девушкой я пересекал озеро августовской теплой и звездной ночью и по сей день спорил с ничуть не переменившейся с той поры женушкой, была ли тогда волна или же вода застыла и не двигалась. Но огромное Воже запало в мою память, и, покупая дом в Падчеварах — так назывался куст наших деревень, а по-старинному говоря, волость, — мечтал, что часто стану на озеро ездить.

Мечты эти не сбылись ни разу. Вокруг Осиевской были другие озера, реки и ручьи, а деревню отделяло от устья Вожеги километров тридцать, и даже если бы я поставил на лодку мотор, это б ничуть не помогло, потому что до Бекетова река была иссечена порогами и перекатами и моторки по ней не

ходили, исключая две недели весеннего половодья. Падчеварские бывали на Воже редко, без своего транспорта туда было не попасть, однако разговоры об озере среди охотников и рыболовов разговаривали, и другой мой деревенский знакомый, колхозный лесник Тюков, к гиперболам и восторгу души не слишком склонный, в минуты частого летнего или зимнего бесклевья на нашей погубленной реке или капризном лесном Чунозере говорил, что зимой рыбалка на Вожеском озере и впрямь интересная, и разводил руками, показывая окуней, которые то и дело рвут прочнейшую леску.

Именно он заронил нам с Шурой, чаще прочих моих друзей бывавших в Падчеварах, отчаянное желание пробраться на вожеский лед зимой. С другой стороны, и хозяин джипа Викторов, охотник и рыболов, равного которому я не знал ни по мастерству, ни по трудолюбию, ни по разнообразию блесен, лесок, мормышек, катушек и прочих снастей, у него имевшихся, про ружья ничего не говорю, ибо в них не смыслю, объездивший без преувеличения всю страну и полмира, увесивший и уставивший свой охотничий домик в ближнем подмосковном имении шкурами зебр, медведей, чучелами кабанов, лосей и гусей и головами дальневосточных тайменей, тоже был наслышан от знакомых егерей на Кубенском озере об этом малодоступном водоеме, и так все сплелось, что мы поехали.

Сердце мое забилось, когда остались последние километры до поворота на Наволок. Машина свернула с главной дороги и, ныряя вверх-вниз по падчеварским холмам, так что я не мог разглядеть свой дом, обыкновенно отовсюду видимый, ибо он стоял на самом высоком во всей округе месте, совершала последние километры пути. Ни она, ни водитель ее не выглядели уставшими. Наконец после изгиба реки, где дорога разветвлялась — направо она уходила через новый мост в центральную усадьбу колхоза «Вперед», деревню Сурковскую, а налево поднималась в гору к восточной окраине Падчевар — Осиевской и Кубинской — прямо в конце зимника, как если бы он вел к дому и не сворачивал, а шел через поле, появилась изба.

Издалека казалось, что за три года с ней ничего не случилось. Так же одиноко, беззащитно и бесприютно посреди полей под сенью трех высоких осин и березы, полвека назад в одиночку построенный деревенским солдатом Анастасием Анастасьевичем, дом стоял от деревни метрах в двухстах, охраняя мое житье от любопытного взора. Однако этого расстояния было вполне достаточно, чтобы зимой к избе было не подъехать и без лыж не подойти. Я честно предупреждал об этом своих товарищей и предлагал оставить автомобиль в деревне, а дальше всем вместе делать тропу, но Викторов на это деликатное предложение даже обиделся: не для того он такую машину купил, чтобы пасовать перед сугробами.

Мы неслышно въехали в притихшую, занесенную снегом деревеньку, которая выглядела зимой пустынно, умиротворенно и трогательно, словно почти не осталось в ней жителей, а те, кто есть, впали в спячку. Джип проехал по главной улице, свернул на боковую и двинулся дальше по тракторной колее через небольшое поле, за которым стоял дом. В чистейшем рыхлом снегу трехтонный японский «крейсер земель» застрял метров через двадцать —

некоторое время он волок перед собой кучу снега, а потом беспомощно зарылся капотом и встал. Снег достигал середины дверей. Коренастый, широкоплечий и малость кривоногий, как азиатский наездник, Викторов вылез сконфуженный, а Витальич, четвертый кандидат в вожеские рыболовы, первый раз в жизни готовившийся выйти на лед и горевший желанием изловить свою первую рыбку, огромный рыжеволосый человек, которого с университетских лет мы привыкли называть по отчеству не оттого, что он был нас старше, а за великий рост, доброту и рассудительность, покашливая, заметил, что Викторова предупреждал, но разве ж он кого слушает? — и мы с Шурой отправились за трактором к бригадиру Самутину.

К тому времени, когда Самутин подъехал на тракторе к месту пленения «тойоты», водитель наш уже достал довольно широкую и плотную зеленую ленту и стал деловито подсоединять «лендкрузер» к «Беларуси».

По растерянным глазам падчеварского тракториста, бывшего последней надеждой для нескольких десятков деревенских старух, которым привозил он дрова, корма, баллоны с газом, чинил лавы, заборы и городил огороды, по передернувшемуся темному лицу его было видно, что дядя Юра чего-то не понял — подумал, наверное, что либо он слегка перебрал и взгляд у него не фокусируется, либо городские совсем спятили, потом посмотрел на Викторова, как на младенца, и промычал насчет стального троса.

— Это специальный сверхпрочный материал, — пояснил автомобилист уважительно. — Ты потихонечку, осторожненько, чуть-чуть дерни ее, а дальше она пойдет сама.

— Да зачем так? — удивился Самутин. — Я тебя на дорогу вытащу, и езжай куда надо.

— Э-э, на дорогу не надо, — одновременно обеспокоенно и ласково возразил Викторов; густые усы его подрагивали. — У нее коробка автоматическая, ее буксировать нельзя.

Самутин сел в «Беларусь», дернул рычаги и подался вперед, одновременно с ним нажал на газ и включил заднюю передачу Викторов. Однако джип даже не тронулся с места, а японский супертрос, как прелая клинская лесочка диаметром 0,2 миллиметра, на которую попался вожделенный килограммовый окунь с озера Воже, лопнул.

Из спящих домов вылезло человек пять. Они на все лады обсуждали машину, Самутина, снега, тросы, разбойных окуней, давали советы, и я уныло и трусливо подумал о том, что завтра о нас будет говорить вся дальнозоркая округа — она бы и так говорила, но теперь моя репутация человека тихого и незаметного, давно уже своими заботами никого не обременяющего и неинтересного, безвозвратно погублена.

Меж тем бригадир, ни на кого не глядя, ласково матерясь, привязал гремучую цепь — трактор уперся и без особого труда выволок сразу потерявшую свой праздничный и высокомерный вид иномарку на дорогу. Затем он позвал другого колхозного тракториста, Валю Цыганова, и вдвоем они расчистили дорогу до Анастасьева хуторка.

Только теперь, оказавшись возле дома, мы увидели, как пострадала за три

года моего отсутствия изба. Мало того, что в нее, как всегда, залезли и разбросали по комнате вещи и посуду. Были оборваны снаружи провода, дом еще больше покосился, а с крыши над коридором между двором и передком съехало несколько досок, и вся середина оказалась заметена снегом. Я опечалился оттого, что застал дом, о котором столько было рассказов, в упадке, было неловко перед гостями, как если бы я был виноват в том, что нет света, дымит холодная печка и едва-едва нагревает квартиру. Однако очень скоро начался дружеский ужин при свете газовой лампы, которую захватил запасливый Викторов, чувство моей вины сначала ослабло, а некоторое время спустя и вовсе исчезло, и изба с ее гладкими янтарными стенами и прямоугольниками окон с занавесками в красный горошек опять предстала в своем волшебном виде.

Напрасно убеждал нас серьезный и настроенный на рыбалку предводитель, что надо пораньше лечь спать, пораньше встать и ехать на озеро, зря звал алкоголиками, — сдвинув плечи, мы сидели вокруг стола, бросали в печь все новые дрова, так что температура в щелястом и не приспособленном для зимней жизни передке мало-помалу поднялась до пяти градусов по Цельсию; мы грелись изнутри, выходили на двор, отворяли ворота, глядели на белеющие в черноте поля, мерцающие звезды и огни дальних деревень; потом и этого показалось нам мало, и мы развели на снегу костер; мы курили, вспоминали, как вдвоем с Витальичем выщепляли двор и никто в деревне не верил, что двое дачников смогут такое дело осилить.

Я соскучился по своему дому, который казался мне уже ушедшим в прошлое и несуществовавшим, и не мог представить, как совсем молоденьким его долго искал, одиноко плыл по пустынной и стремительной, полноводной лесной реке мимо цветущей и остро пахнущей черемухи, потом наткнулся на деревню и увидел в поле заброшенный пятистенок, как ездил избу покупать, как привез сюда жену и показал ей это богатство. Я был снова влюблен в каждое бревнышко, старенькие корзины, мучные лари и деревянные самодельные вилы, бродил по нему и не хотел идти спать, глядел на деревню, и хотя с тех пор повидал много удивительных мест, северный край показался в тот час моему сентиментальному, опьяневшему сердцу еще более красивым.

Мужики меня понимали, и как ни торопил нас вожатый, и сам разделявший восторг помолодевших, взволнованных душ, отправились спать мы далеко за полночь и утреннюю зарю проспали. Двинулись в одиннадцатом часу, потом не иначе как от вчерашнего умопомрачения в одном месте я потерял ориентиры, и вместо того, чтобы ехать через Бекетово, мы понеслись по неверной дороге в Липник, там развернулись и покатили назад, так что на водоеме оказались около полудня.

Летом никакие дороги к Вожескому озеру не ведут, со всех сторон оно окружено болотами, и добраться до него можно только по воде; зимой же реки превращаются в дороги, и на озеро едут не только со всей Вологодской области, но и из сопредельных краев вплоть до Северодвинска. На самом озере ни одной деревни, кроме древнего и некогда очень большого села Чаронды, нету, но Чаронда находится на противоположном, кирилловском, берегу. Она

давно опустела, и там не осталось никого, кроме нескольких старух, которым раз в год завозят муку, макароны, чай да соль, и они сами себе пекут хлеб, поют песни и рассказывают сказки, зато в нашей восточной части озера есть рыбацкие избы.

С того единственного раза, когда я на озере побывал тринадцатью годами раньше, в памяти моей остались десятка полтора небольших домов, сети и моторные лодки возле причала, но теперь, повторив все изгибы русла Вожеги и выехав наконец в ее широкое устье, мы увидели даже не деревню, а целый городок. Наверное, больше сотни домов от совсем маленьких сарайчиков до изб-пятистенок стояли на высоком правом берегу реки, наползая друг на друга, и можно было представить, сколько собирается здесь в выходные дни, а особенно летом, народу и какой стоит шум. Однако, по счастию, в этот будний день людей было не слишком много, и большая часть домов была заколочена. Лишь двое мужиков курили на берегу и с любопытством глядели на притормозившую «тойоту».

Накатанная дорога в этом месте кончалась, и дальше через озеро уходила колея. Дул холодный ветер, и громадное снежное поле лежало перед нами. На севере и юге оно сливалось с небом, на противоположном берегу виднелась колокольня в Чаронде и довольно большой высился посреди снегов черной полосой остров Спас, на котором прежде тоже была деревушка с церковью, и в датированном пятьдесят седьмым годом отчете туристической группы в турклубе на Большой Коммунистической улице в Москве, где я и узнал про существование этого дикого озера, сохранилась фотография рыболовецкой артели со Спаса: семеро бородатых босоногих мужиков тянули полный рыбы невод.

— Тяжелая у вас, ребята, машина, — сомнительно сказал подошедший к нам дедок.

— У нее мощность знаешь какая, — возразил Викторов, но легкая, как поземка, неуверенность просквозила и тотчас же улеглась в командирском голосе.

— Ох, тяжелая, — повторил дедок.

На самодельном невесомом шарабане, состоящем из двух камер от «Беларуси» и мотоциклетного мотора, легко и быстро старичок-ледовичок покатил по заснеженному полю к трещине — так называли нагромождение торосов километрах в трех-четырех от устья, где велась основная рыбалка и куда мы тоже собирались попасть.

Викторов с Витальичем надели на колеса цепи, и мы двинулись по занесенной снегом колее. Первые метров пятьсот машина шла уверенно, потом начала пробуксовывать, нехорошее предчувствие сжало наши сердца, но прежде чем мы успели в нем разобраться, в том месте, где колея не то раздваивалась, не то сбивалась и ее пересекала другая, джип встал.

Водитель несколько раз дернул его сначала вперед, потом назад, цепи глубже проели снег, машина села на днище, и освободившиеся могучие колеса завращались на мощных осях.

Мы вылезли наружу. Вокруг было то, что поэтически называется не то

ледяным, не то белым безмолвием; посреди этого открытого пространства как-то странно ощущались не только размеры заветного озера, но и величие всей страны, где оно находилось, а кроме того, по-видимому, только русскому человеку понятная и присущая вопреки собственным сиюминутным интересам гордость за поглотившие японскую игрушечную машинку вологодские снега.

— Вот теперь понимаешь, как застрял в России Наполеон, — произнес склонный к историческим раздумьям Витальич. — Ну что, мужики, будем пробовать?

Обыкновенно застрявшую машину пытаются толкать. Особенно хорошо это получается враскачку — но как можно было сдвинуть эту махину, да к тому же с хорошего похмелья?

«Тойота» сидела безнадежно, и казалось, теперь ее не вытащит никакой трактор, да и откуда было здесь трактору взяться? В сущности, самое разумное было отправиться рыбачить, а «лендкрузер» как не оправдавший своего предназначения и названия бросить и дать ему спокойно в мае, когда сойдет лед, погрузиться в ил и вчинить иск знаменитой компании за обман потребителя, однако вместо этого мы начали операцию по спасению самурайского крейсера.

В комплекте автомобиля помимо нарядного шелкового тросика имелась небольшая туристическая лопатка, которая сломалась примерно через полчаса энергичной работы сменявших друг друга и враз опохмеленных мужиков. Машина ревела, но не думала трогаться с места; мы навалились на нее — она все глубже продирала цепями рыхлый снег, пока наконец не уперлась в лед. Теперь она сидела в плену так прочно, что выдернуть ее можно было только подъемным краном или вертолетом.

Помрачневший и не склонный к шуточкам Викторов отправил нас с Шурой на берег за ветками, а они с Витальичем продолжали руками копать под днищем. Издалека наши друзья выглядели очень трогательно в своем усилии, как если бы два муравья, большой рыжий и поменьше черный, умертвили, а потом попытались притащить в муравейник гигантского навозного жука.

Принесенные ветки «тойота» размазала по снегу, но какие-то неуловимые признаки в ее поведении заставляли предполагать, что мы на верном пути. Мы толкали ее втроем враскачку изо всех сил, был самый разгар дня, никто не проходил ни в ту, ни в другую сторону, и только видны были точки рыбаков возле вздыбленного тороса. Там клевало...

— Мужики, — произнес Викторов густым голосом, когда очередная попытка провалилась, — давайте так. Вы идите рыбачить, а я тут повожусь сам.

Ему даже никто не стал отвечать — настолько нелепо звучали его слова. Мы устраивали перекуры, по очереди отгребали снег, потом сходили в рыбацкую избу за лопатой, нарезали новых веток с прибрежных кустов и побросали их под колеса, сломали и эту лопату, а машина по-прежнему не сдавалась. Она была ужасно мощная и стыдилась своей беспомощности, казались ненужными все ее цилиндры, лошадиные силы, плавные автоматические двери, воздушные подушки, гигантская панель управления, кондиционер, мы подтрунивали над ней, погоняли матерными криками,

хохотом, беспечностью, веселостью и остроумием.

И наконец — о чудо! — джип вздрогнул, получил небольшое ускорение, взобрался на кручу и, не веря себе, проехал вперед несколько метров. Однако его было мало вытащить, машину надо было развернуть, потому что самое опасное для нее оказалось съезжать и заезжать на колею; еще несколько раз она садилась, снова матюги, и, уразумев некоторые тонкости в искусстве джипования, мы ее выпихивали, и когда наконец автомобиль стоял в нужном месте и нужном направлении и можно было отправиться рыбачить, на озеро спустились тихие сумерки весеннего равноденствия.

Солнце садилось прямо за Чаронду, за высокую церковь, подсвечивая береговую линию, лес и избушки на берегу. Джип и четыре фигуры подле него отбрасывали четкие тени; поднялась мелкая поземка, и вспотевшие тела спасателей озябли, но что-то умиротворенное чувствовалось в этом вечере. Мимо нас тянулись рыбаки. Согнувшись, на лыжах или пешком они натужно волокли за собой, как собственные тени, доверху набитые рыбой сани; так идут, возвращаясь с поля после трудового дня, выполнив долг, крестьяне. Никто не обращал на нас внимания, как если бы застревающие в снегах джипы и суетящиеся вокруг столичные пижоны в пуховых куртках были здесь делом привычным и надоедливым.

На обратном пути мы застряли в последний раз уже на самой колее, и когда через два часа, измотанные, почти в совершенной тьме, выехали к реке, Шура, который лучше всех знал владельца джипа, ибо прожил с ним пять лет в крестообразном общежитии университета на проспекте Вернадского, шепотом сказал мне, что если завтра Викторов вздумает снова ехать на машине по озеру, то он выйдет возле рыбацких домиков и дальнейшей ответственности за эту авантюру нести не будет.

Я не отнесся к Шуриным словам серьезно. После сегодняшнего дня только полный идиот мог снова лезть на джипе в озеро, а владельца процветающей фирмы идиотом назвать было никак невозможно. Но едва мы отъехали от озера и на проторенной колее машина пошла уверенно, обрел свою обычную самоуверенность и автомобилист. Троим не смевшим от ужаса слова вымолвить пассажирам стал он объяснять, что проанализировал ситуацию и понял свои ошибки: цепи надо снять, они только мешают, потому что с ними машина быстрее проваливается и зарывается, ехать же надо не останавливаясь и не меняя колею, а еще надо взять две лопаты, доски, и никаких проблем с автомобилем не будет.

Шура сомнительно покачал головой, и тогда Викторов неожиданно рассвирепел и, оторвавшись от руля, так что машине грозило улететь в кювет, стал говорить, что, может быть, для нас важнее всего надраться и он не понимает, зачем для этого надо было ехать за тридевять земель, но его задача — проверить в деле джип, а если машина застрянет, хотя практически теперь это исключено, он и один ее откопает. Нам осталось только хорошенько посидеть вечером в протопленной и теплой избе, за полночь лечь спать и набраться сил перед новым трудовым днем.

Без цепей машина застряла иначе, чем с цепями. Теперь по прошествии

времени (а с тем же Викторовым мне доводилось вытаскивать год спустя на Кубенском озере из снежной ямы и снегоход «Буран», и прицепленные к нему здоровенные сани, и переделанную под рыбацкие нужды карету «скорой помощи», хотя с «тойотой-лендкрузером» ни в какое сравнение это нейдет) я затрудняюсь сказать, какое из вожеских застреваний было лучше и в который раз мы застряли скорее. По-моему, это произошло примерно на одинаковом расстоянии от дороги, но психологически второе оказалось все-таки более тягостным.

С одной стороны, теперь мы знали, что четырьмя мужиками джип, в принципе, вытаскиваем и его освобождение из снежного плена лишь вопрос времени и труда, с другой — ну, первый день ладно, туда-сюда, ребята поразвлекались, а на второй хотелось порыбачить, и когда машина встала, не было больше шуточек, началась суровая, скупая на слова мужицкая работа.

Несмотря на полный абсурд происходящего, мы не унизились до ругани и обвинений, мы ведь были настоящими друзьями, пусть один ездил на джипе, другой на «вольво» двадцатилетней давности, третий на «Жигулях», а четвертый на велосипеде. Но часа через два беспрестанных трудов, глядя на скрючившегося под колесами небритого олигарха, Шура вдруг принялся рассуждать о природе русского успеха и, отирая пот, отряхиваясь от снега, сказал нам с Витальичем, что здесь, на этом льду, он понял одну вещь, и, может быть, ради этой вещи и стоило ехать, — а именно, что никогда ни он, ни Витальич, ни я не смогли бы стать владельцами фирмы, джипа и загородного дома и добиться успеха, а вот Викторов смог. И не потому, что он фантастически трудоспособен и упорен, а потому, что успех приходит лишь к тем, кто действует против всяческих правил. Когда прут вопреки очевидному, когда абсолютно ясно, что делать таким образом нельзя, а они делают, тогда, и только тогда, добиваются в этой стране результата.

Мы с Витальичем как люди исконно столичные и, следовательно, менее амбициозные отнеслись к этим словам как к очередному проявлению Шуриного остроумия, патриотичный Витальич лишь кротко возразил против словосочетания «эта страна», однако Александр, пять лет проживший с Викторовым в общаге и даже носивший одну с ним обувь (у обоих иногородцев был одинаковый размер, но саратовец стачивал левый ботинок, а норильчанин правый, и через год они обыкновенно менялись), по-видимому, не шутил.

Викторов занимался бизнесом так, как иные пишут стихи, романы или даже — страшно вымолвить — критические статьи. Он искренне свое дело любил, по-рыцарски ему служил и уверял нас, что по большому счету его преуспевающие знакомые такие же люди, как и мы, упрекал в обывательском высокомерии и приводил немало примеров замечательной человечности своих новых друзей. И хотя мы не вполне были свободны от сомнений, гораздо радостнее было сознавать, что романтичный товарищ наш одинаково верен дружбе и со спивающимся приятелем молодости, и с директором московской гостиничной сети. А вот о затененных сторонах своих лирических негоций коммерсант никогда не рассказывал, и по внезапной жесткости его лица и резкости слов можно было только догадываться, чего ему стоило подняться и,

теснимому со всех сторон, удерживать свой плацдарм.

...А все-таки с цепями было лучше. Или снег вчера был не такой рыхлый. И потом, совершенно никуда не годились гладкие доски, прихваченные нами из дома, по которым скользили колеса. Мы снова отправились на берег за ветками. Шура посерел лицом, будто работал не на свежем воздухе, а в задымленном цехе. Витальич, на которого благодаря его стати падала основная нагрузка, держался за спину, да и я уже не верил, что этот кошмар когда-нибудь кончится. И только Викторов не терял духа, был деятелен и бодр, продолжал откидывать снег. Я глядел на эту картину словно со стороны, хотелось стряхнуть наваждение, и, как бывает в минуты сильной усталости, казалось, что все это в моей жизни уже было: рыхлый снег, черная линия леса, небо, поземка, тяжелое дыхание — это и есть жизнь, а остальное — лишь приложение к ней. Трудно было представить, что однажды все закончится и я окажусь в тепле, уюте, покое, и тут мне вспомнилось, как много лет назад в одном из наших первых походов после целого дня проливного дождя, когда мы промокли до трусов и не осталось сухой одежды в неправильно уложенных рюкзаках и мы малодушно объявили молчаливую забастовку, забившись под пленку и достав бутылку водки, Викторов в одиночку разбил лагерь, установил тент, разжег огромный костер, сварил макароны, вскипятил чаю и ни словом, ни жестом ни тогда, ни позднее нас не попрекнул...

Мимо проехали два «уазика», и, глядя на то, как легко скачут отечественные «козлы» по родным снегам, Витальич молвил:

— Вот это, я понимаю, машина.

В его голосе не было ничего, кроме ровной констатации факта, но владелец «тойоты» смурнел час от часу, и я чувствовал, что он готовит нам новый рабочий день.

Порыбачить мы опять не смогли. Правда, в тот день мы закончили джиповать засветло, и на обратном пути у нас осталось полчасика, чтобы зайти в рыбацкую деревню и купить там рыбы. Поселение выглядело довольно странно, это было в чистом виде мужское царство — этакий андрогинный рай. Поскольку дрова в нем были дефицитом, мужики набивались по нескольку человек в чью-нибудь избу, куда с улицы заходили, как в дымовую завесу, напивались водки и так коротали долгие ночи, чтобы наутро отправиться на ледовую работу. Многие из них жили в Вожеге — пристанционном поселке, месте сумрачном и угрюмом, но здесь легче было прокормиться: промышляли круглый год рыбой, а осенью клюквой и грибами, помогали строить новые дома и тихо пережидали затянувшуюся реформенную непогоду.

Мы купили у них несколько свежих судаков, пожарили, сварили умопомрачительную уху, но в тот день сломался перевпечатлявшийся Шура, и мы сидели вдвоем с Витальичем. Иногда Викторов отрывал голову от подушки и пытался загнать нас спать, однако мы никуда не шли и гадали, сколько часов продлится завтрашняя джиповка, в коей мы не сомневались, хотя в этот раз Викторов неуверенно дал слово, что на лед больше не сунется; водка нас уже не брала, и я предательски помышлял о том, чтобы никуда не ездить, а остаться дома, посидеть с удочкой на речке, где иногда ловились мелкие и окушок, и

ершик, а несколько раз нам даже удавалось вытащить на зимние жерлицы-дурилки налима или же истопить баньку, которую специально под гренадерский витальичевский рост спроектировал и срубил дед Вася.

Однообразие и схожесть дней стали угнетать, и душа просила выходного, но когда в кромешной тьме меня разбудил истошный вопль и стук — Александр вышел по малой нужде на улицу, и за ним захлопнулась дверь, — то понял, что никуда от друзей своих мне не деться и быть единоличником в компании не удастся.

Когда назавтра мы подъехали к озеру, в устье реки стояло несколько «Жигулей», «Москвичей» и «Запорожцев». Была суббота, на озеро прибывал народ, но, похоже, ехать по снегу решался лишь на «уазиках». Именно эти жалкие «Жигули» и «Москвичи» хозяина джипа и подкосили: представить, что его нарядная, могучая машина будет позорно стоять в одном ряду с отечественными консервными банками, Викторов не мог.

Он замешкался, завозился со снастями и пробормотал:

— Вы, мужики, идите, а я следом.

Не задавая лишних вопросов, смиренные, тихие и пешие, не оглядываясь назад, мы побрели к торосу. Идти по снегу было не слишком легко, ноги проваливались, в лицо дул ветер, но душу грела слабая надежда, что уж сегодня мы будем вознаграждены за два дня кромешных страданий.

Минут через десять мы услышали за спиной странный звук.

— Не оборачивайтесь!

Но это уже не имело значения. Мимо нас на громадной скорости, рыча, мчался викторовский джип. Мы даже не замахали руками, а проводили его глазами спокойно и отстраненно, готовые в любую минуту прийти на помощь, но на этот раз водитель выбрал новую тактику. Он шел не по колее, а по целине на максимальной скорости, едва касаясь колесами снежной поверхности, как судно на воздушной подушке. Сбавь он скорость хоть на мгновение, тотчас же рухнул бы в снега, и теперь уже навсегда, — но благодаря мощному двигателю японская махина перла через озеро, как русский предприниматель. Не хватало только видеокамеры, чтобы ее движение заснять и продать фирме в качестве рекламного ролика всепобеждающей восточной техники. Джип уменьшался в размерах, уже не было слышно звука мотора и нельзя было понять, застрял он или добрался до тороса, а если добрался, то как станет там разворачиваться и где набирать скорость для обратного пути.

Черные точки впереди, казалось, застыли и не приближались, как если бы мы топтались на одном месте, не в силах преодолеть вращение Земли. Несколько раз посреди целинного снега попадались хорошо знакомые столичным пешеходам громадные ямы, устланные ветками смятого ивняка, будто в них ночевал и ворочался во сне оттаявший мамонтенок, и снова тянулся без конца и края ровный снег.

Потом куча рыбаков стремительно приблизилась, мы стали различать отдельные фигуры, а когда подошли к торосу, возле которого, как на выставке, на истоптанной сотнями пар ног площадке, даже не погрузившись в плотный снег, стоял готовый к новым победам самодовольный джип, то по чуть-чуть

озабоченному викторовскому лицу угадали, что что-то было не так. Причем это «не так» относилось отнюдь не к джипу, но к самой атмосфере и в особенности к рыбакам: нечто легкомысленное и слишком беспечное почудилось нам в их поведении. Мужики не сидели над лунками, не было характерных движений рук, судорожно вытаскивающих леску, люди слонялись, выпивали, трепались, бесцеремонно разглядывали машину, и только один человек на льду, сурового вида, с обветренным лицом, одетый в яркий пуховик, как подстреленная птица, перелетал от дырки к дырке, хватался за ледобур и яростно делал новые лунки. В первый момент мы не поняли, а потом поглядели на пустой лед — и до нас дошло: сегодня нет клева.

Наверное, на волшебном вожеском озере такое бывало нечасто, может быть, нам фантастически не повезло, и оставалось только представлять здоровенных колючих красивых окуней, которые должны были рвать леску, вылезать из лунки и биться на льду, но сторожки молчали. Викторов дырявил все новые отверстия, и длины бура едва хватало, чтобы пробурить толщу льда; он менял цвета и размеры мормышек, нацеплял то мотыля, то опарыша, однажды ему удалось вытащить подряд двух ершиков, он блеснил, бросал в лунки ароматные присыпки, кормового мотыля и говорил, что сейчас вот-вот пойдет клев, главное — не унывать, и мне опять вспоминался дождливый вечер, когда мы сидели под пленкой и так же безучастно на него глядели...

А рыбаки меж тем лениво толковали про перемену погоды и собирались домой, советовали нам приехать в начале мая, когда лед на озере подымается, отрывается от берега и нужно на лодке к нему подплывать, а дальше идти пешком к трещине, и вот тогда-то и бывает самый сумасшедший клев, и каждый из нас с ужасом думал, что в этом случае джип не застрянет в снегу, а уйдет на дно и нам придется доставать его оттуда.

Витальич, которому так и не суждено было поймать на льду свою первую рыбку, достал бутылку, мы разложили закуску, выпили, стало нам тепло и хорошо. Благодушно мы смотрели и приглашали выпить Викторова, который уверял, что на льду никогда не пьет, и, не желая сдаваться, продолжал бегать от лунки к лунке, что приносило ему успех на всех ледовых полях страны, и он облавливал нас с Шурой так же легко и быстро, как обогнал всех конкурентов в предпринимательских делах, и только на озере Воже подкосила его неудача. Потом и он махнул рукой и сел рядом с нами:

— Разливайте!

На обратном пути, загрузившись всем скопом в машину без сучка и задоринки, мы, с гиканьем пронесясь по снежному полю, купили в мужицкой деревне судаков и уехали, так и не поймав ни одной стоящей рыбы, но зато подарив рыбакам превосходного крупного мотыля с московского Птичьего рынка и оставив о себе память странную и темную — кто были эти люди и зачем сюда приезжали?

Ночью погода переменилась. Задул восточный ветер, испортивший нам единственный день рыбалки, Шура принялся топить печь, но с равным успехом можно было бы развести костер на улице, тепло из передка выдувало, мы промерзли насквозь и утром, побросав неубранный дом с немытой посудой,

отступили из деревни, как наполеоновские французы. Викторов боялся, что вечером под Москвой может быть пробка, торопил нас, в суматохе я не мог отыскать ключ и закрыть дом, и мне казалось, что больше я в него не вернусь. Но уже на подъезде к Харовску градусник за окном машины полез вверх, в Вологде текли ручьи, была весна, за три дня, что мы отсутствовали, еще больше почернели и осели поля, прибавилось гомонящих птиц, все было снова хорошо, мы обгоняли всех, кто был на дороге, повеселевший Викторов обещал Шуре помочь с работой, подарил нам на память по зимней удочке с вольфрамовыми мормышками, и я даже не расстроился, когда оказалось, что мой рюкзак с картошкой и грибами забыли в избе, и теперь ему предстояло дожидаться весны и тихо гнить со всем содержимым на лавке.

2001

СИГ

Озеро возникло внезапно. Казалось, мы будем вечность плыть сквозь заросли кувшинок и камыша, пытаясь определить по движению воды и наклону колышущихся водорослей, куда течет извилистая, измучившая нас за два дня сплава речка. На карте ее не было, в описаниях про нее ничего не говорилось, но когда мне начинало чудиться, что мы окончательно заблудились и байдарка упрется в тупик, течение вдруг убыстрялось и за поворотом возникали перекаты. Дважды мы пропарывались, клеились, злясь друг на друга и проклиная болотистые, поросшие осиной и ольхой берега, где было невозможно развести костер, но водилось столько мошки, что из наших пупков текла кровь. Мы продирались сквозь эти заросли с уверенностью, что вот-вот за поворотом окажется устье, но по-прежнему вокруг была тяжелая, густая чаща, над которой стояли тучи гнуса, и, когда утром третьего дня открылась и ударила в глаза обжигающая, взбитая ветром гладь озерной воды, я понял, что если б еще через полчаса этого не случилось, я бы лег и умер.

Было десять утра или немногим позднее, время в тех местах, где солнце летом не заходит, роли не играло, и мы давно перепутали день с ночью. Огромное озеро лежало перед нами и казалось миражом. Дальнего берега не было видно вообще. Дул несильный ветер, я смотрел на воду и думал о том, что большего счастья в жизни нет. Не спеша разделся, сняв всю одежду, благо людей не было на много километров вокруг, и поплыл, смывая с себя грязь и пот предыдущих дней. Вода была прохладная, но разгоряченное тело этой прохладе радовалось и просило еще. Товарищ мой занимался в это время тем, что безуспешно купал в озере блесны, а третий человек в нашей компании разводил костер и готовил чай.

Это распределение обязанностей произошло случайно. Обыкновенно в походе мы выполняли кухонную работу попеременно, но тот, кого мы звали по имени-отчеству Иваном Ивановичем, в самом начале попросил, чтоб мы доверили дежурные обязанности ему одному. Мне стало не по себе от этой ненужной щедрости, но Павлик легко согласился, сказав, что ничего особенно

сложного или неприятного в походном быту нет, а третий у нас все равно на новенького.

Он странно появился здесь. Накануне отъезда позвонил наш приятель, который должен был идти вместе с нами, и сказал, что ехать не может, но попросил взять вместо него друга его друга, которого он сам никогда не видел, но друг ручается, что человек надежный и очень хочет на Север. Мы взяли час на обдумыванье этой комбинации и согласились. Нам нужен был для компании третий – во-первых, потому что было много снаряжения, а во-вторых, вдвоем мы достали бы друг друга уже через сутки, это было дело печально проверенное, однажды едва нас навсегда не рассорившее, и с тех пор мы с Павликом никогда не ходили тет-а-тет. Но когда мы увидели ночью на Ленинградском вокзале своего неизвестного спутника – толстого, нескладного, пожилого, с сумкой вместо рюкзака и в желтых сандалиях на босу ногу, в душе оба чертыхнулись.

Ему было, наверное, лет пятьдесят с лишком – больше, чем нам, даже если наш возраст округлить и сложить. Что могло нас связывать с этим матрасником, как поведет он себя на воде, о чем мы станем говорить у костра и как себя с ним держать? Мы почти одновременно подумали об этом и, глядя в глаза друг другу, мысленно произнесли: «Влетели!» А он уже ухватился за самый тяжелый рюкзак с байдой и, надсадно задышав, потащил его к вагону, но не удержался, его затолкали идущие сзади милосердные пассажиры, и нам ничего не оставалось, как вытащить Ивана Ивановича из толпы, поручив ему стеречь вещи, а самим в несколько ходок перенести хотули к головному вагону. Мы едва успели забросить все в тамбур, как грязный, набитый туристами дополнительный состав тронулся и мы оказались в привычном для себя измерении походной жизни, которую ждали весь долгий год. Всю следующую ночь, покуда мурманский поезд трясся на стыках Октябрьской железной дороги, торопясь скорее свернуть на север и там уже ехать медленнее, останавливаясь на всех полустанках, мы от восторга души пили паленую теплую водку сначала вдвоем с Павликом, а потом с ребятами из соседнего купе, собиравшимися пройти на парусных катамаранах Сям-озеро. Иван Иванович с нами не пил, он залез на верхнюю полку, и я с опаской подумал: а вдруг свалится?

С утра за Лодейным Полем началась жара, какая бывает только на северах, в вагоне сделалось нестерпимо душно, у нас болела с вчерашнего похмелья голова, а Иван Иванович стоял у окна и жадно ловил ртом воздух – ему было еще хуже, чем нам. Мы ехали весь день и следующую ночь через Карелию с ее бесконечными лесами, озерами, ламбушками, скалами, реками и ручьями… Сходили группы, которые выбрали для сплава места поближе и с более удобной заброской, но мы стремились на север, и наша станция со смешным названием Лоухи была лишь следующим утром. К этому часу Иван Иванович с серым лицом и бескровными губами был никаким.

Он бодрился, просил не обращать на него внимания, но было видно, что он измучен донельзя.

– Сердце у меня, – сказал он и заискивающе улыбнулся.

Зачем он поехал в поход? Чего хотел? Что мы станем с ним делать, если его прихватит где-нибудь на середине пути вдали от людей и жилья?

– Может оправить его, пока не поздно, домой?

– А нас через пару дней за ним следом, – буркнул Павлик.

За дорогу мы выяснили, что Иван Иванович живет в Душанбе и работает учителем истории, почти никуда из родного города не выезжал, ни в какие походы не ходил и вообще был мало к чему приспособлен. Семьи у него не было, он жил вдвоем со старенькой мамой. Экипирован он был чудовищно – ни спальника, ни штормовки, ни плаща, ни сапог, точно не в поход собрался, а в дом отдыха.

– Да я и должен был поехать по путевке в пансионат на Клязьму.

В его улыбке, во всех его жестах было что-то беспомощное, детское, одновременно раздражавшее и обезоруживавшее.

Первым же походным утром, едва мы продрали глаза и собирались еще поваляться, он радостно объявил:

– Мальчишки, поздравляю вас с днем взятия казарм Монкада! – и запел бравурный кубинский гимн.

Мы переглянулись, вылезли из палатки и полдня с ним не разговаривали. Но постепенно к чудаку привыкли и даже полюбили. Он был ненавязчив, кроток и незлобив, ничему не пытался нас учить, не обижался, когда попадал под горячую руку и получал от нас бестактные или оскорбительные замечания, на которые был особенно тороват, как и все московские, Пашка. В первые дни мы спешили, потому что хотели уйти как можно дальше от дорог, машин, моторок и туристических групп в те места, где люди редки и мы будем предоставлены сами себе. И вот наконец, пройдя непроходимую речку, оторвались от всех примет цивилизации и могли больше никуда не нестись.

Неторопливо шли по пустынному дикому озеру с его изрезанными берегами и редкими островами, я сидел впереди, на своем привычном месте, откуда не видно перед тобой ничьей спины, а одна только туго натянутая, тяжелая, маслянистая поверхность воды, которую с усилием разрезает нос байды, Павлик сзади на командирском месте, а Иван Иваныч с двумя верёвками руля посередине. Нас немного качало, день был ясный, солнечный, с теми резкими, контрастными очертаниями предметов, какие бывают только в разреженном воздухе Приполярья. Мы вразнобой взмахивали веслами, с них стекала вода, я представлял, как ярко отражается в мокрых лопастях солнце и блики его видны издалека, и мне было удивительно хорошо. Ивана Ивановича мы за весла не сажали, но не потому, что берегли, а из молодого эгоизма – мы не хотели уступать ему своих мест, ибо нет ничего более тоскливого, чем сидеть в байдарке и ничего не делать.

Ветер налетел внезапно, словно из-за поворота, хотя никакого видимого поворота не было. Волна ударила в бок, едва не захлестнув тяжелую байду, следующая была еще круче – озеро поднялось в одно мгновение как на дрожжах и покрылось пенистыми барашками. От ближнего берега нас отделяло метров семьсот. Фартука на лодке не было, даже спасжилеты – и те мы с собой не брали, давно решив, что с нами ничего не случается и случиться не может.

Особенно Павлик, который был уверен в своем походном бессмертии. Но теперь еще пара захлёстов – и лодка пошла бы ко дну, а добраться до берега вплавь мы, верней всего, не сумели бы. Во всяком случае, Иван Иванович точно.

– Табань! – я крикнул, не оборачиваясь, и попытался оттолкнуться от набегающей на нос воды, но Павлик несколькими гребками уже стал разворачивать байдарку, пуская её по волне.

– …Иваныч, руль держ… – донеслось до меня.

Позднее мы поняли, что это было единственное правильное решение, которое непонятно каким образом в считанные секунды пришло в Пашкин чайник. При другом раскладе нас либо залило бы, либо опрокинуло – а так был шанс. Мы шли по волне практически вровень с нею, не позволяя воде попасть внутрь. Никогда в жизни я не летел на обыкновенной трехместной байдарке с такой скоростью, и было странно, как она с этой волны не сваливается и не ухает в бездну. Байда скрипела, ходила ходуном, сотрясаясь на всех своих креплениях, шпангоутах, кильсонах, стрингерах, привальных брусьях и фальшбортах, и казалось, что старенький, доставшийся нам от Пашкиных интеллигентных родителей латаный-перелатаный «Таймень» не выдержит напора воды и разломится пополам как раз в том месте, где сидел грузный Иван Иваныч и, вцепившись в веревки, удерживал лодку, не давая ей развернуться и потерять управление. Наше спасение было в его руках, не дай бог, он бы запаниковал и не удержал руль.

Ветер усиливался, громко хлопал плохо уложенный кусок полиэтилена, в ушах у меня свистело, я был мокрый от брызг с головы до ног, и ослеплённые солнцем глаза едва различали пространство. Не знаю, как было там сзади за моей спиной им двоим, но я в тот момент ничего, кроме ужаса и полной заброшенности, не испытывал. Воде не хватало сантиметра-двух, чтобы нас залить, а уж отсюда, с середины озера, не выбрался бы никто.

– Парус бы сюда, а! – заорал Павлик, громко ухая, и мне захотелось этого идиота убить. Нас несло прочь от берега в открытое пространство, туда, где не было видно ничего, кроме взмыленной воды и узкой полоски земли, на которой росло несколько деревьев.

– Расчёску видишь, туда держим.

В нормальную погоду мы шлепали бы до этой расчески полдня, но сейчас нас донесло до нее за час. Или меньше, я не смотрел на часы и не помнил, где висело солнце, когда мы влетели в волну. Островок приближался рывками, сначала я видел только его очертания, потом стал различать отдельные деревья, камни, о которые разбивалась с грохотом вода.

Мы завернули за косу и, защищенные от волн, вывалились в бухточке на маленьком клочке каменистой земли, взбудоражив бродившую по песку стаю крупных чаек. Пашка, с которого только теперь слетело дурацкое беззаботное настроение, упал без сил на траву, схватившись за живот, а на Ивана Ивановича я просто боялся посмотреть: что пережило за этот час его бедное сердце? Но, поразительное дело, он выглядел лучше нас и куда здоровее, чем в предыдущие дни. Учитель наш, кажется, просто не понял, какой опасности мы чудом

избежали. Он деловито ходил по островку в своих мокрых, потерявших желтизну сандалиях, и я не стал ему ничего объяснять, а лег на спину и принялся смотреть на ясное небо, которого могло больше не быть, и не заметил, как на пригреве в тени от ветра уснул.

Разбудила меня тишина. К ночи озеро умиротворилось. В середине островка стояла палатка, горел костер, около него суетился Иван Иваныч. Языки пламени ровно обнимали котелок с кашей. Из палатки вылез с зелёной армейской фляжкой Пашка.

– Ну, что, мужики, за спасение утопающих?

– Я не пью, товарищи, – извиняющимся голосом сказал Иван Иванович.

Мы только вздохнули в унисон и опрокинули из кружек по разу, затем по другому, по третьему и – шабаш. Пора было собираться. Оставаться на островке дальше смысла не имело: с утра могло снова задуть и запереть нас ещё на сутки.

Мы шли всю ночь; потом, когда рассвело, на озеро упал туман, и в этой мгле двигались наугад, ориентируясь по желтку тусклого солнца, которое еле просвечивало сквозь молочное марево. Туман рассеялся только к полудню, когда мы окончательно выбились из сил и, проспорив с полчаса, куда идти дальше, причалили к неизвестному высокому берегу, затащили байду и завалились отсыпаться.

…Мы с Павликом знали друг друга вечность и, сколько знали, были соперниками, соревнуясь во всем, что находили наши честолюбивые души – кто поймал самую крупную рыбу, у кого круче снасти или экипировка, кто кого перепьет, пересидит в бане или закадрит самую красивую барышню на курсе. Это было соперничество шутливое, но иногда оно перерастало в нечто большее и мешало нашей дружбе, особенно в тех случаях, когда мы начинали бодаться и спорить.

Обычно кризис наступал на пятый или шестой день похода. Тогда я больше не мог слышать любимых Пашкиных словечек и прибауток, меня злила его привычка разбрасывать по палатке и на стоянке свои вещи и поминутно спрашивать, где его носки, брать без спросу мою кружку, набутыливаться на ночь чаем, а потом вылезать из палатки, оставлять после себя мусор, мой глаз подмечал его чудовищный эгоизм, пофигизм и разгильдяйство, а его, наверное, утомляло что-то во мне. Иногда я даже не понимал, почему мы столько лет дружим, зачем продолжаем вместе ходить на воду, если все заканчивается руганью и он говорит, что у меня несносный, скандальный характер.

Но в этом походе, оттого ли, что он с самого начала, с того момента, как мы проплутали два драгоценных дня в вонючей речке, из-за этой ли сумасшедшей, едва не погубившей нас в озере волны, из-за кроткого Ивана Ивановича с его неумеренными восторгами и благодушием – в этом походе я как-то особенно остро почувствовал, что хочу ходить один, и ходил бы, но я не мог, я физически боялся одиночества, особенно по ночам, и в то же время представить, что я откажусь от этих двух-трех недель в Карелии, от озера, байдарки, костра, терпкого запаха вереска – это было выше моих сил.

Вечером мы с Павликом стали собираться рыбачить.

– А вы, Иван Иваныч?

– Да плывите одни, ребята, я тут ужин, ягод на компот пособираю…

– Неужели не хотите рыбы половить?

– Что ты пристал к человеку? Ну не хочет он, чего ты его неволишь?

– Вы правда не хотите, Иван Иванович?

– Да у меня и удочек-то нет. И как ловить, я не знаю.

– Пашка свою даст, у него три штуки. А не даст – мою берите. Я вас научу, как ловить.

– Да дам я, дам, – сказал Пашка с досадой, – только скорей давайте.

Мы сидели втроем в байде метрах в сорока от берега – на большее расстояние я теперь отплывать опасался, и как Пашка ни злился и ни говорил, что хорошая рыбалка начинается дальше, стоял на своем. Клевали окушки и плотва с ладонь или чуть больше – стоило ради такой тащиться на дикое озеро, которое нам расписывали. Но самое ужасное, что у Ивана Ивановича почему-то не клевало вообще. Я проверил удочку, все в ней было в порядке – леска, крючок, спуск, насадка, но пузатый красный поплавок покоился на зеленоватой поверхности воды. Не знаю, что отдал бы я в ту минуту за то, чтоб он дернулся и Иван Иванович поймал хоть бы самую завалящую сорожку. Но вместе этого я вытащил сам с глубины хорошего окуня. Пашка мельком на него глянул и горестно отвернулся…

– Иван Иваныч, а где ваш поплавок?

– Не знаю, я его не трогал.

– Да подсекайте же!

– Что?

– Тащите!

– Не тащится!

– Тащите, кому говорю!

Все дальнейшее проходило в полусне. Там, в глубине, под байдой ходила ходуном крупная рыбина, залезала под лодку, сгибала удилище и рвалась, Пашка громко орал:

– Дайте мне мою удочку, я вытащу сам!

Но я ему не позволял:

– Пусть поймает Иван Иваныч.

– Да не сможет он.

– Сможет!

Рыбина появилась возле борта. Она была громадного размера, каких мы не ловили никогда, и я понял, что без подсачка мы ее не вытянем. Но подсачка у нас, разумеется, не было: Пашка не верил не только в плохое, но и в хорошее:

– Уйдет, ох, уйдет!

– Ножом ее надо, к борту прижать, и ткнуть!

– Лодку пропорем.

– Да черт с ней, с лодкой! Нож давай.

Азарт был так велик, что я был уже готов попытаться всадить в рыбину лезвие, из чего не вышло бы ничего, кроме очередной пробоины, но в этот миг

Иван Иванович, нас не слушая, отбросил удилище и стал за леску тянуть свою добычу. Я был уверен, что леска скажет «бэмс!», но поразительным образом японская нейлоновая ниточка выдержала и оборвалась в тот момент, когда серебристая с небольшим горбом рыбина забилась о дно байды, сама не понимая, как здесь оказалась.

– Мама! – закричал Иван Иванович на все озеро. – Мама! Смотри, твой сын поймал рыбу!

Она была не так велика, как казалась в воде, но все равно килограмма три тянула.

– Что это? – спросил я. – Язь такой странный?

– Это сиг! – сказал Пашка дрожащим голосом.

– Какой еще на фиг сиг? Сиг на удочку не ловится.

– Это сиг, сиг, – повторял Пашка. – Смотри, жировой плавник. Иван Иваныч, вы поймали сига!

Ивану Ивановичу было, похоже, совершенно все равно, кого он поймал, – он глядел своими круглыми голубыми глазами на воду, на байдарку, которая качалась на больших пологих волнах, на нашу освещенную заходящим солнцем стоянку, которая так хорошо была отсюда видна с ее палаткой, кострищем и столиком, сложенным из больших камней, на небо, сосны, на наши важные лица, и в глазах у него было столько счастья, что ему можно было все простить, даже штурм казарм Монкада. Мы смотрели на этого нескладного толстого человека как на чудо. Боже мой, ему было пятьдесят пять, он казался нам, двадцатитрехлетним, глубоким стариком. И как странен был он, как непонятен, непостижим со всей своей учительской жизнью в далеком, никогда не виденном нами Душанбе. Какая страшная пропасть была между нами и чем можно было ее зарастить?

После сига клев как отрезало, мы меняли глубину, насадку, место и даже отплыли подальше от берега, но в конце концов плюнули и вернулись на стоянку.

Накатилась короткая августовская ночь, граница между нею и светом проходила через наши головы – к югу была звездная темень, а на севере не гасла зеленоватая полоска света. Мы развели огромный костер, разлили водку, которая совсем нас не брала, и закусывали ее кусочками свежезасоленной нежнейшей рыбы. Даже Иван Иванович не стал на сей раз отнекиваться. Он выпил вместе с нами и с непривычки его вскоре развезло, учитель наш вдруг расчувствовался и начал задыхаясь говорить, что нас очень мало и мы должны любить друг друга, не раздражаться, не обижаться, а прощать.

– Кого мало, Иваныч?

– Вы не понимаете – нас мало, а вы почему-то ссоритесь. Не ссорьтесь, парни, не надо, не надо, – повторял он, качая пьяный головой, поднимая палец и восклицая: – Сик! Сик!

Пьяный, он стал еще добрей и круглей и смотрел так бесхитростно и простодушно, что, не знаю, как Пашке, а мне сделалось стыдно за то, что я на него сердился, раздражался, и захотелось произнести тост, сказать что-то хорошее, но тут поднялся Пашка.

– Чайку? – сказал он и, шатаясь, пошел ставить котелок.

К утру задул ветер, снова поднялась волна, палатку залило водой, и, нетвердо стоявшие на ногах, мы её переставляли. А потом погода совсем испортилась, зарядили дожди, мы пережидали их несколько дней и все равно уходили в дождь.

Мы хотели вернуться домой самое позднее к середине августа и взяли с собой продуктов, водки и курева только на этот срок и с очень небольшим запасом, но из-за того, что потеряли время, проторчали лишнюю неделю, все съели, выпили и скурили, оголодали, изругались и, если б не Иван Иваныч, наверное, друг друга просто сожрали. Но перед ним было стыдно.

Уходили мы с воды в морось недалеко от поморской деревни уже за Полярным кругом. Собрали кости от байдарки и принялись сушить шкуру. Впрочем, сушить – это было громко сказано. Под мелким дождем её можно было только мочить.

Невысокого роста мужичок в поношенном черном пиджаке подошел к нам и присел на корточки. Руки у него тряслись.

– С озера?

Мы кивнули.

– Ну как рыбалка?

– Сига поймали.

– Сетью?

– На удочку.

– На удочку? – мужик перестал дрожать, и что-то странное почудилось мне в его голосе.

– Ну да, – несколько даже обиженно сказал Пашка. – Что, нельзя на удочку сига поймать?

– Нельзя, – ответил мужик мрачно и спросил: – а кто поймал-то?

– Вот он, – и мы указали на толстого запыхавшегося человека, который в это время возился с рюкзаками.

– М-м-м, – сказал мужик обреченно, точно у него заныл зуб, и, забыв, зачем он к нам подошел, отправился прочь.

Следующей ночью мы сели в поезд и узнали, что в Москве за то время, покуда мы плавали по озерам и протокам, случился путч, выходили на улицу танки, но люди их победили, и мы выпили, и закричали «ура!», возбужденно обсуждая, что произошло, и страшно жалея оттого, что пропустили очень важное и нас не было в ту ночь на площади. Мы говорили громче обычного и дивились тому, что, похоже, никто из пассажиров не был озабочен случившимся и совсем не радуется московской победе. Только Иван Иваныч вдруг принялся снова насвистывать марш кубинских бородачей, и лицо его приняло дурашливое выражение, но за этой дурашливостью мне почудилась тревога.

На вокзале мы расстались, уверенные, что через год все вместе пойдем снова. Но потом наступила голодная зима, жили мы трудно, но как-то жили, помогали друг другу и строили планы на новое лето, закупали тушенку и водку и мечтали добраться до еще более далекого озера, где сигов как грязи. Потом

в декабре распался Союз, до которого нам, в общем, не было дела, и мы совсем о нём не жалели, только мельком я подумал о том, что наш костровой живёт теперь в другой стране. Но печалиться из-за этого было некогда, своих хватало проблем. А потом посреди вьюжной зимы мне позвонил Пашка. Против обыкновения в его голосе не было никакого задора.

– Иван Иваныч умер, – сказал он тихо. – Приедешь?

Мы сидели у Пашки на Гоголевском, пили водку, которая не брала нас так же, как в ту ночь, и оба думали об одном: в поход мы теперь не пойдём.

В поход мы пошли, но нескоро. Почти одновременно мы женились, у нас родились дети, которых мы друг у друга крестили. Породнившись и став кумовьями, мы стали таскать их с собой в походы и учить ловить рыбу, и радовались больше, чем когда ловили сами, глядя, как они вытаскивают из воды окуней и плотву. У нас всегда теперь в лодке лежал подсачек, но никто из них никогда не поймал на удочку сига.

Но я, может быть, и вовсе не вспомнил бы эту историю, если б однажды Пашка не велел мне прочесть книгу Пришвина «За волшебным колобком». Долго я продирался сквозь нудные описания природы, не понимая, зачем мне всё это нужно, но Павлик упрямо твердил:

– Читай.

И я послушно читал, пока не наткнулся на странный эпизод. Сто лет назад, путешествуя по Карелии, Пришвин увидел, как один из лопарей вытащил на крючок большую серебристую рыбину и тотчас в страхе отпустил её.

«– Это сиг, – говорит он и тускнеет. – Сиг не может на крючок пойматься, сигов сетью ловят. Отец мой тоже поймал так сига и потонул. А за ним и мать…

– Потонула?

– Нет, Божьей смертью померла».

Вот и Иван Иванович, русский учитель из города Душанбе, поймал на удочку сига.

2012

© А.Н. Варламов.

Фото с сайта Литературного института.